

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

С. Н. БИБИКОВ, Раннетрипольское поселение Лука-Врублевцевка на Днестре (К истории ранних земледельческо-скотоводческих племен на юго-востоке Европы). МИА СССР, № 38, М., Изд-во АН СССР, 1953, 458 стр., 116 табл., 77 рис., тираж 3000 экз., цена 32 р. 10 к.

Книга С. Н. Бибикова является большой публикацией новых археологических материалов, обнаруженных в результате раскопок поселения Луки-Врублевцевкой на Днестре, одного из наиболее ранних поселений трипольской культуры, известных на территории УССР. Вместе с тем в книге (докторской диссертации) затрагивается ряд общих проблем из истории ранних земледельческо-скотоводческих племен на юго-востоке Европы.

Книга состоит из краткого введения и шести глав; в виде приложения публикуется исследование В. И. Бибиковой о фауне из раскопок Луки-Врублевцевкой.

Безусловной заслугой автора является попытка монографической публикации всех материалов раскопок. Значительная часть этого раннетрипольского поселения еще не раскопана, поэтому автору не удалось ответить на ряд общих вопросов о характере раннетрипольского родового поселения, его размерах, расположении жилищ, планировке их на поселении. Осталось спорным утверждение, что «раскопками и разведочными шурфами были установлены примерные границы раннетрипольского поселения» и что «само поселение занимало бровку невысокого берегового уступа, а жилища располагались в один ряд» (стр. 16—17, рис. 4).

Не решен в книге вопрос о наличии в Луке-Врублевцевкой глинобитных трипольских жилищ. Хотя автором разбирается общий вопрос о якобы происходившей смене в раннем триполье полуземлянок глинобитными наземными жилищами и высказывается теория о том, что характерные для трипольской культуры «площадки» были принесены из южного ареала, однако его утверждение не обосновано данными из раскопанного им поселения. Между тем вопрос о родовых поселениях и формах домостроительства освещен в результате раскопок Коломийщины I и II, Владимировки, Поливанова-яра и др. только для среднего и позднего периодов трипольской культуры. Но до сих пор не проводились наблюдения над родовыми поселениями и жилищами раннего периода; к сожалению, раскопки С. Н. Бибикова не заполнили этого пробела.

Правильно сравнивая полуземлянки Луки-Врублевцевкой с неолитическими жилищами средней и юго-восточной Европы, автор необоснованно ищет аналогии полуземлянкам Луки-Врублевцевкой в позднепалеолитических жилищах. Эти, как замечает сам автор, «рискованные аналогии» (стр. 75) приводят его к общему выводу, что «... формы домостроительства раннего триполья на юго-востоке Европы, а также в областях распространения культуры с линейно-ленточной керамикой раскрывают перед нами очень древнюю местную традицию, идущую из глубин палеолитического века и доживающую на юго-востоке Европы до эпохи раннего триполья» (стр. 76). Эти аналогии и выросшие из них общие заключения крайне спорны. Однако они не случайны и должны подкрепить концепцию С. Н. Бибикова о столкновении в Луке-Врублевцевкой «... двух различных по своему качеству экономических укладов — прогрессивного, производящего хозяйства (пришедшего из южного ареала. — Т. П.) с отсталым, во многом еще присваивающим (местным. — Т. П.) хозяйством» (стр. 279).

Методика раскопок С. Н. Бибикова также вызывает замечания. Безусловно, прием так называемых «смотровых», или «контрольных», шурфов, представляющих собой, по определению автора, «выемки не более 30—40 см по длине стороны квадрата» (стр. 17), не вызывается необходимостью. В процессе раскопок следует стремиться вывить прежде всего пятно полуземлянки с примерными его очертаниями. При этом необходимо оставлять контрольные перемычки (бровки) на всей площади раскопа. Благодаря такому приему удастся наблюдать исследуемый памятник и в плане, и в разрезе и на основе этих данных в дальнейшем вести выемку культурного слоя в пределах полуземлянки.

Известный интерес вызывает вторая глава, посвященная орудиям труда ранних трипольцев. До сих пор вопросам орудий труда эпохи триполья уделялось значительно меньшее внимание, чем другим категориям находок. Глава содержит классификацию и подробное описание орудий из кремня, камня, рога, кости и меди. Автор предполагает, что «в кремневом инвентаре раннего триполья еще живут позднелепелитические традиции, истоки которых следует искать в местных условиях быта охотничьих племен эпохи мезолита, сохранивших в производстве кремневых орудий архаические особенности верхнелепелитической техники» (стр. 105). Эта гипотеза строится в основном на том, что для Поднестровья неизвестны мезолитические и раннеолитические стоянки с характерными микролитическими формами орудий. Это не совсем верно. Вопрос о мезолите Поднестровья в целом до сих пор почти не изучен, и типичные черты кремневого инвентаря эпохи мезолита Поднестровья еще не выделены. Поэтому спорно положение С. Н. Бибикова, что «в этой области европейского континента (включая и Поднестровье.— Т. II.) верхнелепелитические традиции в технике обработки кремня влетают в мезолит, в котором не вызревают микролитические формы, так же как не появляется макролитическая техника» (стр. 106).

Между тем за последние годы работами А. П. Черныша на Днестре исследован ряд мезолитических стоянок, где найдено небольшое количество кремневых орудий микролитического характера (резцы, пластины, нуклеусы), тогда как остальная часть орудий сильно отличается от позднелепелитических. Орудия с микролитической техникой известны и среди материалов культуры с линейно-ленточной керамикой (например, у с. Котоване, Дрогобычской обл.), где найдены микролитического облика нуклеусы, резцы и трапециевидные вкладыши. Микролитической техникой отличаются также кремневые орудия на стоянках раннего неолита в бассейне Южного Буга (Мельничья Круга, Гард, Саврань, по раскопкам В. Н. Даниленко) и на раннетрипольских поселениях (Сабатиновка II, Тимково-Александровка на р. Кодыме) и др.

Таким образом, решительное утверждение С. Н. Бибикова о позднелепелитических традициях, отразившихся в трипольском кремневом инвентаре, не может считаться достаточно обоснованным. Однако этот вывод автора не случаен и нужен ему (как и по вопросу о жилищах), чтобы всячески подчеркнуть отсталость местных племен в момент прихода сюда прогрессивных племен с юга. В отличие от кремневого инвентаря местного происхождения источниками происхождения каменных орудий в Луке-Врублевцевой были, по мнению С. Н. Бибикова, «древнеземледельческие центры южных широт» (стр. 110). Жаль, что, сопоставляя раннетрипольские каменные изделия с аналогичным инвентарем из других стран, автор не привлек работу О. Кандыбы, специально посвященную неолитическим орудиям из сланца¹.

Не обосновано также предположение о том, что «... металлообрабатывающее производство восходит к странам древнего Востока, откуда оно проникло на европейский континент через островной мир и Балканы вместе с первой передвижкой племен» (стр. 124). Первые изделия из металла в триполье изготовлены из самородной меди путем холоднойковки. Залежи меди древний человек освоил скорее всего именно в соседних районах Прикарпатья, где имелась самородная медь. В позднем триполье медные изделия стали проникать из Средиземноморья и Малой Азии. Но в позднетриполь-

¹ O. K a n d y b a, Kamenué nástroje neolithicki malované keramiky v Haliči, «Obzor prehistoricky», Ročník, IX (1930—1935), Praha, 1936.

ском Софиевском могильнике на Днепре металлические изделия получены от племен ранней бронзы с Левобережья Днепра.

Третья глава посвящена разбору обширного керамического материала из Луки-Врублевецкой. Собрание это дало возможность С. Н. Бибикову полно характеризовать керамику раннего триполья, что до сих пор делалось лишь на ограниченных материалах.

Не всегда можно согласиться с мнением автора об орнаменте керамики Луки-Врублевецкой. Даже напечатанная в книге таблица показывает, что не все керамические орнаменты, которые С. Н. Бибиков считает «криволинейными» и не имеющими отношения к спирали, являются таковыми (на табл. 60—62, 69/б и др.). Орнамент можно принять за криволинейный в том случае, если он рассматривается по частям, вне связи с узором, составляющим в целом спиральный орнаментальный сюжет. Вместе с тем в других раннетрипольских поселениях (Саврань, Сабатиновка II, Греновка, Ленковцы, Берново, Солончени I и др.) спираль представлена обычно на большинстве сосудов только с углубленным орнаментом.

Суждение о нехарактерности спиральной орнаментации для Луки-Врублевецкой понадобилось автору, чтобы изолировать керамику раннего триполья от средневропейской неолитической керамики со спиральной орнаментацией. С. Н. Бибиков делает необоснованный вывод, что трипольская керамика восходит в своем происхождении к южным широтам. Сопоставление сосудов из Луки-Врублевецкой с рядом сосудов из Передней Азии и Восточного Средиземноморья остается в плане формальных аналогий. Спиральной орнаментации керамики в виде, широко известном для Дунайско-Днепровского бассейна, нет в это время ни в Малой, ни в Передней Азии. Эти сопоставления С. Н. Бибикова делаются в угоду его концепции, а именно, что «... в культуре Луки-Врублевецкой выделяются два пласта, отражающие два различных по своим хозяйственным основам ареала — южный земледельческий, с развитыми формами материального производства, и местный охотничий, со своими архаическими признаками...» (разрядка моя.— Т. II.) (стр. 169).

Эта концепция развивается и в четвертой главе, где автор анализирует остатки флоры и фауны и приходит к заключению, что в трипольском обществе не существовало огородничества и что трипольское земледелие даже на ранних ступенях своего развития всегда было полевым (стр. 176). По его мнению, под возделывание избирались свободные от леса участки или лес уничтожался путем подсека и даже огнем, а рыхление земли производилось при помощи мотыг или даже примитивных сох (там же). Никаких данных о подсеке в триполье в ранние периоды нет, и положение С. Н. Бибикова о полево-земледелии с возможным применением сохи — не получило сколь-нибудь убедительной аргументации.

Очень большая пятая глава (стр. 193—275) посвящена идеологическим представлениям древних земледельческо-скотоводческих племен юго-восточной Европы. В этой главе, представляющей большое и оригинальное исследование, подвергается анализу разносторонний материал, впервые публикуемый, который позволяет осветить мировоззрение раннеземледельческих племен. Интересно сравнение южных статуэток с положенными под грудью руками со схематизированными статуэтками триполья. Не менее ценны наблюдения о зернах, обнаруженных в статуэтках. Ряд положений в этой главе остается спорным, например привлечение скульптуры из Луки-Врублевецкой для решения вопроса о происхождении некоторых славянских обрядов (стр. 193).

Заключительная, шестая глава подытоживает результаты исследований материалов Луки-Врублевецкой и ставит общеисторические проблемы. Автор, вопреки своим прежним взглядам, соглашается с моим определением Луки-Врублевецкой как памятника раннетрипольского периода и не относит ее, как в 1947—1949 гг., к дотрипольским памятникам.

В книге следовало уделить больше внимания другим раннетрипольским поселениям в бассейнах Днестра и Южного Буга. Теперь известно более 25 одновременных Луке-Врублевецкой поселений, занимавших уже довольно значительную территорию.

В шестой главе ставятся две основные проблемы для развития триполья в целом: 1) происхождение трипольской культуры и 2) социальный строй раннетрипольского общества.

В построениях культурно-исторической школы и близкой к ней школы Siedlungsgeschöologie появление трипольской культуры представлялось результатом миграций откуда-то с востока; обе эти буржуазные школы рассматривали археологическую культуру как явление, возникающее сразу и полностью где-либо в одном месте и оттуда распространяющееся на далекие расстояния. В концепциях этих школ развитие сводилось к миграции возникших где-то раз и навсегда явлений.

На основе новых археологических данных советскими учеными выдвинуто положение, что трипольская культура возникает в результате взаимодействия двух факторов: 1) развития местных раннеолитических племен, возможно, на основе культуры линейно-ленточной керамики средней Европы и 2) под влиянием неолитической культуры племен Дунайского бассейна, Балкан и Восточного Средиземноморья. Значительное единообразие трипольской культуры на обширных территориях от Днестра до Дуная и его притоков указывает на прочные межплеменные связи населения всех этих областей, составлявшего большую культурно-историческую и, вероятно, этническую общность, уходящую своими корнями в эпоху раннего неолита.

С. Н. Вибиков основывает свою концепцию на схематичных представлениях о ходе исторического процесса в виде теории двух пластов, близкой к построениям культурно-исторической школы. Один пласт, по его мнению, принадлежит охотничье-собирательским племенам, другой — племенам земледельческо-скотоводческим, пришедшим из южного ареала. Кстати, автор чрезвычайно злоупотребляет выражением «ареал», и в книге оно встречается во всевозможных контекстах.

По мнению С. Н. Вибикова, на Поднестровье долгое время жили отсталые охотничьи, собирательские племена, с целым рядом архаических черт в экономике и быту. Эти племена почему-то сохранили весь свой отсталый позднелолитический образ жизни много позднее, когда на соседних территориях уже развиваются культуры с микролитическими орудиями. Слабую изученность памятников эпохи мезолита и раннего неолита С. Н. Вибиков считает достаточным основанием для предположения, что местные охотничьи племена Поднестровья сохраняли традиции палеолитической техники вплоть до прихода земледельческо-скотоводческих племен с юга. Это движение в конце IV — начале III тысячелетия до н. э. предположительно связывается автором с расселением индоевропейцев.

С. Н. Вибиков считает сомнительным, «... чтобы заселение юго-востока Европы пришлыми племенами происходило одновременно и в короткий срок. Скорее это была постепенная инфильтрация племенных групп с различными этнографическими признаками» (стр. 278). Однако это положение трудно согласовать с его же мнением, что в условиях первобытно-общинного строя «...изменения в материальной культуре местного населения происходили в довольно короткое время» (стр. 279). К местным хозяйственным традициям относятся — охота, полужемлянки, кремневый инвентарь; к привнесенным чертам культуры относятся — земледелие, скотоводство, керамика, скульптура, формы мировоззрения, глинобитные жилища, гончарные печи, медь; причем не убеждает, что «...все названные элементы культуры появляются в юго-восточной Европе внезапно» (стр. 280). Если принять точку зрения С. Н. Вибикова о внезапности появления в Поднестровье всех основных элементов культуры из областей древневосточных цивилизаций, то совершенно необъяснимыми остаются отчетливые различия между энеолитическими культурами Индии, Месопотамии, Восточного Средиземноморья, Балкан и Днестровско-Днепровского бассейнов. Ведь внезапное появление новой культуры (которое, кстати сказать, равняется переносу культуры) должно было вызвать большое сходство в перечисленных археологических культурах. А ведь в Малой Азии расписная керамика — основной материал для сравнения с трипольской — появляется значительно позднее, чем в юго-восточной Европе.

Автор сам, видимо, сомневается в своих построениях, делая оговорку, что «...на-
 Среднего и Переднего Востока с раннетрипольскими имеют место и весьма ощутимые
 различия, проявляющиеся при сопоставлении той же керамики, которые объясняются.
 периферийным положением трипольских памятников по отношению к памят-
 ным южного ареала» (стр. 280). В этом положении, построенном на слабо аргумен-
 тированных гипотезах, не видно подлинных, основанных на археологических фактах,
 исторических закономерностей.

Социальный строй раннетрипольского общества автор определяет как патриархаль-
 ный. По его мнению, основные признаки в триполье позволяют ему это сделать:
 1) большая роль скотоводства, начиная с ранних этапов культуры; 2) лесной характер
 земледелия при использовании больших площадей под посевы, требующий значитель-
 ной затраты мужской энергии на первых циклах подготовки почвы; 3) накопление ро-
 довых богатств в трипольском обществе в виде скота и запасов зерна и охрана их от по-
 сажательств враждебных племен (стр. 285).

С. Н. Бибииков смешивает увеличивающуюся роль скотоводства в хозяйстве три-
 полья с формами более развитого пастушеского скотоводства, развивающегося уже в кон-
 це трипольской культуры. Придомное скотоводство трипольских племен с матриархаль-
 но-родовым строем лишь в эпоху раннего металла (Усатово), в конце и в середине II ты-
 сячелетия до н. э., вероятно, переходит в степных районах к пастушескому скотовод-
 ству. Тогда же у усатовских племен матриархально-родовые отношения сменяются на
 патриархальные.

Доказательств о существовании в триполье подсецкого и полевого земледелия нет.
 Трипольские племена, расселявшиеся исключительно в лесостепной полосе, на лессо-
 черноземных почвах в междуречье Дуная и Днепра располагали достаточным коли-
 чеством плодородных земель, свободных от леса, для обработки почвы мотыжным спо-
 собом, которым занимались в эту эпоху женщины, тогда как мужчины охотились. Три-
 польское хозяйство никогда не было «специфически земледельческим», скотоводство,
 охота и рыболовство, начиная с ранних периодов, играли значительную роль (в связи
 с этим С. Н. Бибииков неверно формулировал в своей книге мою точку зрения — см.
 стр. 283). При определении характера земледелия у трипольцев в виде огородничества
 следует помнить указания Энгельса: «Огородничество, вероятно неизвестное азиат-
 ским варварам низшей ступени, появилось у них не позднее средней ступени, как пред-
 теча полеводства»¹. Полеводство же Энгельс связывал с появлением железного лемеха
 и писал: «Прежде всего мы впервые встречаем здесь плуг с железным лемехом, с домашним
 скотом в качестве тяги; благодаря ему стало возможно в крупном размере земледелие,
 полеводство...»². Наконец, именно к энеолитическому периоду первобытного общества
 относится указание И. В. Сталина, писавшего: «Было время, время матриархата, когда
 женщины считались хозяевами производства. Чем объяснить это? Тем, что в тогдан-
 шем производстве, в первобытном земледелии, женщины в производстве играли глав-
 ную роль, они выполняли главные функции, тогда как мужчины бродили по лесам в
 поисках зверя»³.

Археологические раскопки поселений трипольской культуры дают новые мате-
 риалы, иллюстрирующие и подтверждающие положение Ф. Энгельса и И. В. Сталина
 о существовании в эпоху энеолита первобытного общества с матриархально-родовым
 строем (Коломыйщина I, II, Владимировка и др.).

Нет также данных, позволяющих говорить, что в эпоху триполья у племен шло уже
 накопление родовых богатств в виде скота и запасов зерна.

Если в областях древневосточных цивилизаций и было в IV—III тысячелетиях
 до н. э. плужное земледелие и патриархат, то в Европе развитие раннеэнеолитических

¹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1830, стр. 165—166.

² Там же, стр. 25.

³ И. В. Сталин, Соч., т. 1, стр. 340.

п энеолитических культур шло не одинаковыми темпами по сравнению с Восточным Средиземноморьем и Передней Азией. Предположив низкий уровень производительных сил у местного населения Среднего Поднестровья, С. Н. Бибилов считает возможным видеть у охотничьих племен матриархально-родовой строй. Пришлые же племена стояли, по его мнению, на значительно более высоком хозяйственном и культурном уровне развития.

По мнению автора, «... под влиянием сильного воздействия культуры пришлых племен, матриархально-родовой строй охотничьих племен в конечном счете распался, как и сама экономическая организация общества, уступив место патриархально-родовым отношениям, строящимся на иных экономических началах — земледелии и скотоводстве» (стр. 286). И далее: «Переход охотничьего хозяйства местных племен в земледельческо-скотоводческое происходил, видимо, в достаточно быстрых темпах, так как выдержал активное влияние более прогрессивных производительных сил на более отсталые формы производства» (стр. 286). Таким образом, процесс перехода от матриархально-родового строя к патриархальному представляется С. Н. Бибилову результатом столкновения двух различных экономических укладов: «...произошло как бы столкновение двух различных по своему качеству экономических укладов — прогрессивного, производящего хозяйства, с отсталым, во многом еще присваивающим хозяйством. Это обстоятельство привело к победе первого над вторым, к утере самобытного облика культуры местных племенами» (стр. 279).

Таковы вкратце общие положения, на основе которых С. Н. Бибилов по-новому решает проблему происхождения трипольской культуры и вопрос о социальном строе трипольского общества.

Общая концепция С. Н. Бибилова мне представляется слишком схематичной, не подтвержденной в достаточной степени археологическими фактами, не отражающей конкретного пути происхождения трипольской культуры, не раскрывающей на основе археологических данных подлинного характера социального строя раннетрипольского общества. Большая книга С. Н. Бибилова остается преимущественно монографией, публикующей новые археологические материалы.

Т. С. Пассек